

Аннотация. Рассматриваются сущность неоиндустриализации, ее значение для человека и социума, а также неодирижистский и неолиберальный механизмы ее реализации в России.

Ключевые слова: неоиндустриализация, неоиндустриализм, неоиндустриальная революция, неодирижизм, неолиберализм, хозяйство, экономика, философия хозяйства, философия истории.

Индустриализация XIX—XX вв., которую пережили все развитые индустриальные страны (даже, как совсем недавно говорили — высокоразвитые страны), явление более или менее понятное: внечеловеческая и внеживотная энергия (уголь с паром, нефть с внутренним сгоранием, электричество с бегущим по проводам током); металл, машины, станки, агрегаты, неземные двигатели; механизированные фабрики, заводы, шахты; частичный работник, он же и придаток машины, станка, линии, конвейера; машинист, механик, техник, инженер; самодвижущийся наземный, водный и воздушный транспорт; железные дороги, автобаны, аэропорты, подземное и надземное метро; проводная и беспроводная связь; большие индустриальные, или же с индустрией, или же попросту индустриально оснащенные города; индустриализированное сельское хозяйство. Индустриализации соответствовали индустриально обустроенное жизненное пространство, индустриально-обусловленный образ жизни и индустриальные пейзажи. Славная и всеми приветствовавшаяся индустриальная революция с индустриальным переворотом всего земного бытия: от природы к неприроде, от естества к искусству, от натуральщины к искусственности!

Сложнее с неоиндустриализацией, ибо это, с одной стороны, продолжение индустриализации, а с другой — ее отрицание. Полагание с отрицанием вместе, причем не только в плане сохранения всего, или почти всего, или просто многого из индустриального — как базиса (полагание), но и в плане дополнения уже старого индустриального качественно новым индустриальным, которое уже и не совсем индустриальное — не металлическое, не машинное, не тяжелое, не весомое, не видимое, а именно — химическое, биологическое, микромирное, счетно-информационное, автоматическое, вневременное, внепространственное, неземное (космическое), мегамирное, во многом уже внечеловеческое (вместочеловеческое). Этакая неоиндустриальная индустрия, а может, хотя бы в части своей — и попросту неиндустрия, а скорее — «техничия», технологизм, техниум.

И вышло так, что в последней четверти XX в. высокоразвитые индустриальные страны стали определенно переходить к неоиндустриализму, который прозорливо был назван даже постиндустриализмом, что, в общем-то, правильно, но в связке с реальностью все-таки не совсем, ибо и индустрия осталась, и в самом постиндустриализме хватает индустриализма — общего для всей индустриальной эпохи, а не только «железно» индустриальной. А в начале XXI в. уже стало совершенно ясно, что высокоразвитые страны стали странами неоиндустриальными с мощным постиндустриальным моментом.

Свою масштабную неоиндустриализацию СССР в свое последнее время явно проморгал. Кое-что, конечно, было, но не широко, не объемно, не последовательно. Индустрию можно было еще планировать, а вот неоиндустрию, ее создание — уже нет. Не тот это мир, не *плано-мерный*, ибо очень уж он закрыт, неизвестен, неопределен, самостоятелен, своеволен, капризен, даже и коварен. Проектировать его можно было, хотя бы ради целеположенного финансирования и стимулирования, но не было для кого это делать, ибо плановые агенты — не агенты вовсе, а всего лишь исполнители, а тут требовались большие инициаторы, то бишь не так уже подотчетно служивые, как самостоятельно действующие агенты, а их-то и не было, как не было вообще эффективной самоорганизации внизу вкупе с инновационной инициативой снизу, ибо тотальной плановой системе все это было чуждо, а перестроиться на стимуляционное проектирование она не смогла и... не могла. Догма «плана — планирования — планомерности» победила реальность, требовавшую лишь ориентационно-вспомоществовательного проектирования — это сверху, и большой творческой активности возможных агентов неоиндустриализма, которые вроде бы были технически были, но зато не были хозяйственно — это снизу.

В итоге страна осталась без необходимого ей самостоятельного неоиндустриализма, а потом, уже в результате «реформы» 1990-х, и без многого индустриализма — как умершего по «указивке» сверху, так и не выдержавшего конкуренции извне — из-за рубежа.

И что сегодня? А сегодня как раз перед страной стоит проблема самостоятельного (своего) неоиндустриализма, возможно, что и с некоторым восстановлением индустриализма, хотя бы ради безопасности страны.

Нельзя сказать, что своего неоиндустриализма в сегодняшней России нет, что весь он заимствованный, но зато можно с уверенностью сказать, что его явно не хватает, причем не так для воспроизводства текущего бытия, как для его всестороннего развития, однако не вширь, не количественно, как это было при индустриализме, а вглубь и качественно — как это положено при неоиндустриализме. Сейчас важно не так оснащение

общества индустриальной базой, хотя ее качественное совершенствование и предполагается, как оснащение общества новой техно-технологической системой, качественно изменяющей весь образ бытия не только в сторону его интеллектуально-операционального усложнения, но и в сторону его экономии относительно природы и самого человека. Не безграничное расходование природы и человека, а их всестороннее сбережение — с параллельным преданием бытию экзистенциальной ответственности, поведенческой скромности и витальной меры.

Неоиндустриализм — не одно лишь материально-техническое обновление хозяйства, как и не только обновление материально-технических оснований бытия, это еще и обновление человека, его сознания; социума, его организации; культуры, ее формального выражения; цивилизации, ее механизма. Неоиндустриализм — существенные (и даже сущностные) перемены в мировоззрении, в категориальном оснащении познающего, размышляющего, отображающего и проектирующего разума, в дискурсах, в языках, в коммуникациях, в социальности (сетевая структура, сетевая культура), как и, естественно, в самом человеке как субъекте бытия (человек-компьютер вместо просто человека; компьютер-человек вместо просто компьютера). Отсюда непреременные новины в воспитании, образовании, просвещении, формировании человека и его личного мира, уже менее всего социально-устойчивого — ячейкового, семейного, коллективного, а более всего индивидуального, автономного, атомарного, но при этом и весьма подвижного. Так или иначе, но неоиндустриализм — другая часть бытия, дополнительная, надстроечная, но и передовая, ведущая, влиятельная, если не господствующая.

Особое место в неоиндустриальном социуме-сетевом принадлежит чистому интеллекту со свободным интеллектуализмом. Жизнь, хозяйство, организация, обновление — это теперь большая интеллект-игра, в которой главным призом служит... сама эта игра! Нечто вроде современного космополитического футбола, разве лишь без жутких безразмерных гонораров. Все равно кто, все равно где, все равно для чего — лишь бы процесс-игра, — непрерывные и занимательные!

Неоиндустриализм против не только традиции, но и любого постоянства. Он против любых фундаментов, оснований, корней, привязанностей. Все равно каких — отеческих, «родненьких», территориальных, государственных, народных, национальных, континентальных, даже и земных. Нравится это кому-нибудь или нет, но неоиндустриализм — такая не только высшая подсистема, но и... высокая антисистема — разъедающая, облегчающая и опустошающая любое стабильное бытие, хотя и в нем паразитарно нуждающееся. Неоиндустриализм насколько созидателен в виртуально-интеллектуальной сфере, настолько и разрушителен в сфере реально-жизненной.

Неоиндустриальная революция — хоть и потребная и неизбежная мера, но в то же время и достаточно опасная игра — не на жизнь, а на смерть! В неоиндустриализме больше смерти, чем жизни! Вот почему здесь требуются понимание, различение и беспокойство, ведущие к контролю над неоиндустриализмом и его обузданию: неоиндустриализм ведет к окончательной переделке человека в постчеловека, а социума в постчеловеческую массу. Неоиндустриализм, — сам того, может, и не ведая, — вызывает невольно к инстинкту общечеловеческой безопасности, способному реализовываться в разумной неоиндустриальной политике.

Неоиндустриальная политика не может не включать в себя не только стимулирование неоиндустриализма, но и контроль над ним. В общем — всесторонне целостное регулирование со стороны ответственного за выживание человека регулирующего центра. Неоиндустриальный империализм, не говоря уже о фашизме — не виртуальная лишь, а вполне и реальная возможность! Вот почему выплывает необходимость как тактически развивающего неоиндустриализма, так и его стратегически упорядочивающего, даже и ограничивающего, централизованного дирижизма, а в данном конкретном случае — неодирижизма.

Неодирижизм — дирижизм эпохи неоиндустриализма: гибкий, дискретный, побудительный, игровой (что-то вроде судьбы на футбольном поле). Это дирижизм, сочетающийся с неолиберализмом, который, в отличие от индустриального либерализма, не чужд кое-каких самоограничений и не отвергает лимитов и ориентиров, задаваемых дирижизмом.

Россия вступает в период развития неоиндустриализма, активизации этого развития. И вступает, заметим, как уже неодирижистская страна, хотя еще и не сложившимся полностью неодирижизмом, но достаточно уже обозначившимся. Россия в самом начале неоиндустриального и неодирижистского перестроения — уже и постреформенного. И неважно тут, какие у кого обо всем этом представления, как и кто за, а кто против нового подхода в будущее. Жизнь не может довольствоваться развалом, распадом и разорением, продемонстрированными под лозунгом «либеральной маркетизации» в 1990-е гг., она, хочет этого кто-то или нет, непременно разворачивается к самой себе, ища и в условиях произвольного административно-финансового деспотизма возможность самореализации, разумеется, не только через приспособление к этому последнему, но и через его преодоление. И не имеет никакого значения, замечают это круто образованные и всю онаученные интеллектуалы или нет, ибо метафизическая реальность, — а это как раз та самая реальность, которую интеллектуалы обычно не видят

и не признают, — непременно берет свое, ибо она не придумана человеком и человеку изволит не подчиняться.

Россия на подъеме! В ужасном адовом котле, вновь вдруг возникшем в стране за только один XX в., вываривается Новая Россия — не западно-капиталистическая, хотя этого и хотелось бы видеть многим заинтересованным инициаторам-свидетелям, и не восточно-социалистическая, как того хотелось бы зарегистрировать все еще бытующим поклонникам сталинско-ордынских устройств, — нет — ни то, ни другое, а... свое, российское, хоть еще и не русское, как раз, может быть, то, что хотя бы не связано тесно и неотвратимо ни с одной образцовой научно-философической догмой, ибо... *неиндустриальность!*